

югославских фольклористов, носит спорный характер. С сожалением отметим, что свою большую и плодотворную работу югославские фольклористы ведут несколько изолированно, не учитывая аналогичного опыта советских специалистов и ученых стран народной демократии, особенно болгарских фольклористов. Видимо, здесь сказывается недостаточная осведомленность, а в некоторых случаях и неверные представления о работе советских фольклористов, проявившиеся, в частности, в одном из прежних выступлений М. Бошкович-Стулли²⁷. Думается, что более внимательное отношение к изучению фольклора Великой Отечественной войны, осуществляющемуся в Советском Союзе и в странах народной демократии, будет лишь способствовать дальнейшему успешному развитию исследовательской работы в Югославии и разрешению спорных научных проблем.

Наряду с работами фольклористов стран народной демократии, в первую очередь с работами болгарских и словацких ученых, исследования югославских фольклористов расширяют наши знания об отражении в фольклоре национально-освободительной борьбы народов Европы в годы второй мировой войны и позволяют глубже судить о процессах, протекающих в современном фольклоре славян. Опираясь на богатый материал по фольклору Великой Отечественной войны, собранный в нашей стране, и на собственный многолетний опыт его исследования, советские фольклористы имеют возможность приступить к сравнительному изучению антифашистского фольклора разных народов.

В. Гусев

²⁷ М. Bosković-Stulli, *Problem folkloristike u SSSR* и «Pogledi», 55 (Almanah, Pitanja teorije književnosti), Zagreb, 1955, стр. 148—166.

НАРОДЫ СССР

А. Л. Монгайт. *Рязанская земля*, М., 1961, 400 стр.

Книга А. Л. Монгайта «Рязанская земля» посвящена не только результатам работ руководимой им экспедиции Института археологии АН СССР. Она обобщает и материалы, добытые предшественниками автора, и является большим сводным трудом, освещающим историю Рязанской земли на широком историческом фоне, в тесной связи с основными проблемами образования и развития древнерусского государства. Важной особенностью книги является то, что автор не ограничивается каким-либо одним видом источников. Его основные выводы построены на обширном круге разнохарактерных источников. А. Л. Монгайт использовал и археологические материалы, и древнерусские летописи и акты, и данные антропологии, и работы средневековых восточных географов, и устное народное творчество, и достижения современной лингвистики, и наблюдения этнографов.

Он начинает свое исследование с того времени, когда в среднем течении Оки существовали городища так называемого городецкого типа, относящиеся к I тысячелетию до н. э., и высказывает ряд соображений в пользу того, что эти городища и соответствующие им селища существовали и в VI—X вв. и что ряд этих поселений не был покинут до прихода славян (стр. 64—69). Рязанские могильники функционировали, по мнению А. Л. Монгайта, также до X в. (стр. 78). К вопросу о раннем проникновении славян на среднюю Оку автор подходит с большой осторожностью, находя, что уже в V—VI вв. в памятниках этого района появляются элементы, заимствованные с запада, а не с востока. Славянские поселения IX—X вв. А. Л. Монгайт считает торговыми факториями или поселками купцов и ремесленников (стр. 87). Это положение, на наш взгляд, нуждается в более серьезном обосновании, ибо единственным аргументом, приводимым автором, является отсутствие здесь укреплений. Между тем как раз «торговые фактории» обычно укреплялись, потому что купцам постоянно приходилось опасаться ограбления. Неукрепленные же поселки характерны как для земледельцев, так (на первых порах) и для ремесленников. Но во всяком случае не вызывает возражений вывод А. Л. Монгайта о мирном характере докняжеской славянской колонизации Рязанской земли, не требовавшей постройки укреплений.

В книге убедительно показано значение торгового пути по Оке. Большой интерес представляет приводимая здесь сводка кладов восточных монет, найденных в бассейне Оки.

В главе, посвященной колонизации края славянами в IX—XII вв., А. Л. Монгайт вывлет области, колонизованные кривичами и вятичами. Пожалуй, менее убедительны те аргументы автора, которые опираются на различие типов жилища (срубные постройки на севере и полудземлянки на юге Рязанской земли). Приведя ряд интересных материалов о жилищах, А. Л. Монгайт заявляет, что «жилище лишь в малой степени может помочь в определении этнической принадлежности его создателей» (стр. 125) и что «...граница между типами жилища совпадает не только с границей вятичской и кривичской колонизации, но и с границей лесостепной и лесной полос. Этот фактор и

был решающим в сохранении древней традиции» (стр. 128). Мы не можем согласиться с первым утверждением А. Л. Монгайта. Народное жилище имеет множество признаков, по которым можно определить не только создавший его народ, но и этнические группы внутри этого народа. Но эти признаки менее всего видны в том, является ли жилище срубным или каркасным, наземным или углубленным в землю. Гораздо больше они сказываются во внутренней планировке жилища (в частности, в положении печи), в деталях его конструкции и украшения. Между тем, именно это труднее всего проследить по материалам раскопок, так как археолог большей частью находит такие остатки жилищ, которые позволяют судить лишь об основных чертах их конструкции и где, как это справедливо отмечалось уже рядом исследователей, сказываются прежде всего особенности, диктуемые природными условиями. Именно поэтому трудно различать вятичскую и кривичскую колонизацию по конструкции жилищ. Ведь в кривичском Суздале открыты раскопками полуземлянки¹, а в вятичской Москве — срубные наземные дома. Различие типов жилища с этой точки зрения не только в Рязанской земле, но на всей территории древней Руси совпадает примерно с границей лесостепной и лесной зон, прорезая ее в районе Суздальского и Переславского Ополя².

Чрезвычайно интересны приводимые в книге материалы о тесных культурных связях славянского населения с древним (местным) чудским. Учитывая это сильное культурное влияние, приведенное к «обрусению» чудских племен, может быть правильнее говорить не об «исчезновении» чудского населения или об «уходе его на восток» (стр. 135, 139), а об «ассимиляции» его (стр. 136). Нам кажется, что археологические материалы не всегда позволяют с достаточной полнотой проследить этот сложный процесс. Вопрос об участии чудских племен (и в частности племен Поволжья) в создании русской культуры уже лет тридцать назад был предметом острой полемики, и в наше время мало кто сомневается в том, что культурное влияние здесь было взаимным³. Нам кажется, что прав С. П. Толстов, считавший, что в XI в. славянская колонизация отнюдь не означала уничтожения или вытеснения славянами финского населения среднего и нижнего течения Оки⁴.

Большой интерес для исследователей древней Руси представляют третья и четвертая части исследования А. Л. Монгайта, посвященные развитию русской культуры на территории края. Автор рассматривает одно за другим славянские городища, селища и курганы Рязанской земли, дает исчерпывающее описание археологических памятников, истории их исследования и собранных там коллекций. Перед читателем проходят все населенные пункты края, какие только удалось выявить⁵, — села, феодальные замки, большие и малые города.

Последняя глава книги посвящена описанию борьбы рязанцев с татарами и трагических последствий разорения края полчищами завоевателей. И в этой части книги, как во всяком крупном исследовании, есть, конечно, спорные вопросы. Одним из них является, как нам кажется, проблема «отсталости» восточных русских земель. А. Л. Монгайт считает, что если и была некоторая задержка в экономическом и социальном развитии вятичей в XI в., то это не относится к городам вятичской земли (видимо, подразумевая города Рязанского края — стр. 256). Но ведь ни один вятичский город XI—XII вв., в том числе и сама Рязань, не мог сравниться с Киевом и даже с Владимиром. Соглашаясь с А. Л. Монгайтом в его заключении, что развитие экономики и культуры вятичей шло в дальнейшем ускоренными темпами (стр. 360), мы все же думаем, что результаты этого процесса сказались значительно позднее, уже в XIII—XIV вв. Такая неравномерность развития отдельных областей древней Руси и обусловила неодновременный расцвет городов в Киевской, Новгородской, Суздальской, Рязанской и Московской землях. И даже разгромленная татарами и подвергавшаяся их постоянным набегам Рязанская земля в XIV—XV вв. была более развита в экономическом и социальном отношении, чем Киевщина, которая переживала тогда глубокий упадок.

Имеются спорные положения и в описании А. Л. Монгайтом технологии ремесел. Так, говоря о гончарном ремесле, он, на наш взгляд, неточно описывает его древнюю технологию. На эту мысль наводят, например, употребляемые А. Л. Монгайтом термины. Рязанские горшки, оказывается, делались из «красной и серой глины» (стр. 179) и даже «из толстой глины» (стр. 156). Если в последнем случае перед нами просто неудачное выражение, то на употребление термина «серая глина» следует обратить особое внимание. Это ошибка не только А. Л. Монгайта, но и ряда других авторов: в последние

¹ А. Ф. Дубынин, Археологические исследования г. Суздаля (1936—1940), «Краткие сообщения ИИМК», вып. 11, М., 1945.

² См.: М. Г. Рабинович, Дом и усадьба в древней Москве, «Сов. этнография», 1952, № 3, стр. 72.

³ С. П. Толстов, К проблеме аккультурации (в связи с работой Д. К. Зеленина «Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности»), «Этнография», 1930, № 1—2, стр. 87.

⁴ Там же, стр. 71.

⁵ За исключением главного археологического памятника Рязанской земли — Старой Рязани, которой А. Л. Монгайт посвятил отдельную книгу. См.: А. Л. Монгайт, Старая Рязань, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА СССР), № 49, М., 1956.

годы все чаще встречаются выражения «сосуды из серой глины» и даже «сероглиняная керамика» (как-будто может быть керамика не глиняная, а, скажем, костяная или деревянная). Насколько нам известно, материалом для древнерусских горшков и иных керамических изделий служила в подавляющем большинстве случаев различных оттенков красная, реже — белая глина. Сосуды, сделанные из красной глины, могут иметь красный или серый, даже черный цвет в зависимости от режима обжига. Серый черепок получается либо при недостаточной температуре обжига — ниже 700 градусов, когда этот процесс осуществляется не в горне, а в домашней печи или на костре (видимо, А. Л. Монгайт имеет в виду именно это обстоятельство), либо при специальном «восстановительном» обжиге без доступа кислорода из воздуха. В последнем случае поверхность сосуда может быть даже черной, а в изломе черепок будет светло-серым. Однако это не дает исследователю права говорить, что сосуд сделан из серой глины. Если такие «серые» сосуды (будь то первая или вторая их разновидности) поместить в современную обжигательную печь и обжечь при температуре 700—900 градусов Цельсия и достаточном доступе кислорода, они станут красными⁶.

Другой спорный вопрос, связанный с технологией производства керамики, — это интерпретация гончарных клейм. А. Л. Монгайт склоняется к определению их как знаков собственности (стр. 284—291), а не клейм ремесленников. Он не одинок в этом мнении. В последнее время появляется все больше сторонников такой точки зрения и у нас, и за границей⁷. Вопрос этот, по нашему мнению, очень важен и заслуживал бы специальной дискуссии. Не ставя своей задачей привести в данной рецензии развернутую аргументацию противоположной точки зрения (знаки на днищах сосудов — это клейма мастеров), мы все же должны заметить, что доводы А. Л. Монгайта не вполне убедительны. И то, что клеймились в древности не все сосуды, и то, что встреченные при раскопках гончарные клейма чрезвычайно разнообразны (крайне редки среди них тождественные), не является аргументом в пользу какой-либо из изложенных выше точек зрения. Не решает спора также ни установление сходства гончарных знаков с межевыми или иными знаками собственности, ни определение знаков как магических. Все это может быть присуще и знаку мастера, и знаку заказчика. Нужно сказать, что в древней Руси вообще клейма ремесленников, как и знаки собственности, ставились далеко не на каждой вещи, и за редкими исключениями не известны тождественные русские клейма ни на керамике, ни на металле, ни на каких-либо иных изделиях.

Особенно досадно, что в своей аргументации А. Л. Монгайт ссылается на опубликованные нами материалы из московской Гончарной слободы, где будто бы найдены разные клейма в одном горне (стр. 288). Здесь явное недоразумение. Ведь в московской Гончарной слободе имела место единственная, насколько нам известно, находка в одном производственном комплексе сорока шести клейм одной конфигурации, причем удалось путем наложения клейм выяснить, что они были вырезаны на семи различных гончарных кругах (с каждого круга снято от одного до девяти сосудов). Таким образом, данный пример говорит не за выдвигаемую А. Л. Монгайтом гипотезу, а скорее против нее — ведь здесь явно продукция одной мастерской, где работало не менее семи кругов, на которых была вырезана одна и та же «марка». Предположить, что мастерская выполняла какой-то крупный заказ для одного заказчика, причем только в брак ушло около полсотни сосудов, нам не представляется возможным.

Поскольку не известно ни одного гончарного круга с разными съемными подставками, на которых были бы неодинаковые клейма, приходится предположить, что на каждом круге можно было изготавливать сосуды только с одним клеймом. А чтобы делать посуду для каждого заказчика с его особым клеймом, гончар должен был бы иметь одновременно несколько кругов, либо работать только на одного заказчика. Наконец, самое место гончарного клейма — всегда на днище сосуда — указывает на то, что вряд ли это знак собственности. Ведь чтобы узнать такой сосуд, нужно обязательно перевернуть его вверх дном, что в хозяйстве неудобно. Знаки собственности и даже целые надписи о принадлежности посуды, как глиняной, так и из других материалов, хорошо известны. Но они ставились обычно не на дне, а на боковой поверхности сосуда. Известны, однако, два сосуда — знаменитые изделия новгородских мастеров Братилы и Косты⁸, на которых есть и подпись мастера, и имя заказчика. Первые поставлены на днищах, вторые — на поддонах снаружи. Видимо, традиция помещения на посуде фабричных клейм на днищах, а различных знаков собственности (гербов, вензелей, надписей и т. п.) — на наружной части сосудов, хорошо известная по крайней мере с XVIII в., имеет глубокие корни и восходит к тому времени, когда появились ремесленники. В заключение хотелось бы указать на некоторую нечеткость хронологических границ исследования А. Л. Монгайта. Во вводной части книги автор сообщает, что начинает свое исследование с I тысячелетия до н. э. и заканчивает его XIII веком н. э. (стр. 7). Такое ограничение монографии, посвященной Рязанской земле, на наш взгляд,

⁶ Такие опыты производились неоднократно в керамической лаборатории Академии архитектуры СССР покойным А. В. Филипповым. См.: М. Г. Рабинович, Московская керамика, МИА СССР, № 12, М., 1949, стр. 71—72.

⁷ См.: K. Černogorský, *Keramika a feudalismus*, II. Diskuse k studii akademika Jaroslava Böhma k otázce o vzniku feudalismu v českých zemích, «Český Lid», Praha, 1953, № 1, стр. 21—31; Barbu Slătineanu, *Ceramica românească*, București, 1938.

⁸ Б. А. Рыбаков, *Ремесло древней Руси*, М., 1948, стр. 294—298.

не оправдано. Читатель не может получить достаточно ясного представления о проекождении чудского населения края, о связи культур раннего железа с культурами эпохи бронзы и неолита, наконец, о времени заселения края человеком. Лишь в отдельных случаях автор указывает, что городецкий слой лежит на неолитическом (например, стр. 34). Думается, было бы полезно дать краткое введение к книге, где выяснились бы эти вопросы. Ограничение изложения XIII веком также не всегда благоприятно сказывается на содержании книги. Так, характеристика Коломны ограничена материалами XII—XIII вв. (стр. 238) и тем самым обеднена. Но в ряде случаев автор, с нашей точки зрения, вполне правильно включает в свою работу и материалы XIV—XVII вв. (например, по Переяславу Рязанскому). Есть и археологическая карта славянских памятников, доведенная до XVI в. Можно надеяться, что дальнейшие исследования Переяслава Рязанского и других памятников эпохи позднего средневековья покажут большое значение археологических материалов для характеристики этого периода истории Рязанской земли.

Нужно особо отметить, что книга отлично издана (это, к сожалению, далеко не всегда можно сказать о нашей научной литературе). Оформление ее оригинально и интересно.

Работа А. Л. Монгайта «Рязанская земля» представляет собой фундаментальное археологическое исследование по важному вопросу истории нашей Родины. Она интересна не только специалистам — этнографам и археологам, но и гораздо более широкому кругу читателей.

М. Рабинович

Былины Печоры и Зимнего берега. (Новые записи). Ответственный редактор А. М. Астахова, М.—Л., 1961, 606 стр.

В настоящее время, когда в фольклористике наблюдается явный скепсис в отношении живого бытования русского эпоса, солидный том былин в записях 1934—1956 гг. выпущенный Пушкинским домом, приобретает особое значение. Всего в сборнике свыше 160 текстов былин, записанных от 56 сказителей¹.

Авторы ввводной статьи (А. М. Астахова, Э. Г. Бородин-Морозова, Н. П. Колпакова и Н. К. Митропольская) дают на основании материалов сборника, по существу, описание «позднейшего этапа жизни эпоса» (стр. 33). Отмечая типичные для этого этапа явления: индивидуальную разработку традиционных эпизодов, психологизацию образов, насыщение сюжета бытовыми деталями, воздействие смежных жанров (в особенности сказки) и книги (стр. 33, см. стр. 19), они одновременно подчеркивают жизнелюбность эпической традиции у лучших сказителей, высокую художественность их текстов, которые называют «образцами классического эпического стиля», при лаконизме и стройности изложения (см. стр. 124, 538—539, 562 и др.). Для остальных текстов они считают характерным сохранение традиционной композиции сюжета, даже при известном его упрощении.

В статье говорится об утрате «общих мест» и отказе от троичности, свойственных позднему эпосу (стр. 20), однако как раз «общие места» в текстах сборника даны изумительно полно, а ведь они — наиболее архаичная составная часть в архаичном жанре былин! С летописной образностью описаны в них (особенно в былинах Печоры) вражеская сила, подступившая к Киеву, богатырский поединок, выезд богатыря и пр. Сохранен и величавый зачин о семидесяти устьях Волги, неизменным через века донесен состав данн — с древним счетом «сороками».

Таким образом, тексты рецензируемого сборника, действительно, выдержаны в хорошей традиционной форме, но только если признать несколько условным понятие «классической», «канонической» былины в применении к записям XIX — начала XX в. Налет модернизации в современных записях стал, может быть, несколько сильнее (см. например, стр. 99, 204), забвение — большим, но и в текстах, записанных около ста лет назад в Прионье и Сибири, обычна замена старинной лексики, а значит, и понятий. Это — закономерное явление, и если заглянуть в историю эпоса поглубже, то и там мы найдем эту модернизацию, не воспринимаемую нами просто потому, что и эти «новые» для своего времени, понятия стали теперь архаичной.

Но из пиетета к эпосу, донесенному из седой древности, сказители стараются удержать в памяти устарелые, полузабытые термины, систему счета и пр. Поэтому А. В. Стрелкова, например, в былине о Дунае пела о «версте большемерной», а в ремарках говорила о «метрах» (стр. 425).

В статье отмечено (стр. 21), но не объяснено другое языковое явление — обилие синснимов в былинах. Из приведенных примеров («ездят-гуляют», «бородись-стыгались») видно, что дело в основном здесь в борьбе диалекта и литературного языка, и это связано с размытием в наше время былой областной обособленности.

«Забывание» же, о котором много говорится в книге, — назначения жилищ, спобов упстребления оружия, замена имен, перенос места действия и пр., служит несом-

¹ Отметим, что при этом встречались сказители в возрасте 50—30 лет (стр. 32), а не только глубокие старики.